

Цзян Тинчжоу поспешил объяснить, что ролик снимал не он, а Ань Сяопин, и настойчиво посоветовал хозяину лавки подписаться на его страницу.

— Ой, да я во всём этом не смыслю, — добродушно рассмеялся торговец доухуа. — Главное, вы друзья. Кстати, Сяо Цзян, ты ведь не знаешь? Тут у нас, в Старом районе, всю идёт реконструкция. Торговля на Улице Утреннего рынка совсем захирела, только у соседа в кондитерской дела ещё хоть как-то идут. Поговаривали, что нас через пару месяцев и вовсе под снос пустят. Но теперь в Сад сахарного завода повалил народ, и люди вспомнили про нашу улочку, про сахарный завод.

Глаза лавочника превратились в узкие щелочки от счастливой улыбки.

— Твоими молитвами, считай, спасся. Моя лавка ещё поработает. Дай бог, чтобы и дальше покупателей было вдоволь.

Видя его искреннюю радость, Цзян Тинчжоу тепло улыбнулся и поддержал:

— Обязательно будут. И даже больше.

Интерес в сети пока не угасал, Сад сахарного завода действительно преобразился, и туда то и дело забредали любители красивых кадров. Упоминание о кондитерской всколынуло в душе Цзян Тинчжоу воспоминания — он и правда сто лет не ел знаменитых заводских слоёных лепёшек-субин.

«Вот и решился вопрос с завтраком», — подумал он.

Он направился к кондитерской. Там и впрямь царило оживление — выстроилась приличная очередь. Цзян Тинчжоу уже собирался пристроиться в хвост, как вдруг из самого начала очереди кто-то окликнул его по имени:

— Тинчжоу?

Голос показался ему знакомым. Обернувшись, он увидел Ли Шуянь.

В прошлую их встречу им толком не удалось поговорить. Сегодня она была одна, в строгом, элегантном деловом костюме. Ли Шуянь уставилась на Цзян Тинчжоу, явно растерявшись от неожиданности. После секундного замешательства она спросила:

— Тоже за лепёшками пришёл?

Цзян Тинчжоу на мгновение замер, а затем медленно кивнул.

Очередь как раз дошла до неё. Не теряя времени, Ли Шуянь обратилась к продавцу:

— Дайте, пожалуйста, по две штуки с каждой начинкой: со сладкой пастой из бобов мунг, с сахаром и кунжутом, с зелёным луком и с сушёной горчицей и свининой. И ещё два стакана имбирного чая с красными финиками.

Годы учёбы за границей несколько не изменили вкусы Ли Шуянь. Жаль только, её любимых лепёшек с начинкой из бурого сахара здесь больше не выпекали, пришлось довольствоваться классическими, с кунжутом и белым сахаром.

Забрав горячие, так аппетитно пахнущие субины, она протянула половину Цзян Тинчжоу:

— Ты куда теперь?

На самом деле Цзян Тинчжоу совсем не горел желанием проводить с ней время. Он попросту не знал, о чём с ней говорить.

Прошлые обиды... В конце концов, её вины в случившемся не было. Они оба оказались жертвами чужих интриг, глупыми, растерянными подростками, у каждого из которых хватало собственных семейных драм. Справиться с навалившимся грузом им тогда было просто не под силу.

Прошло столько лет. Ли Шуянь даже присылала ему подробное письмо, пытаясь расставить все точки над «и», но трещина в их отношениях оказалась слишком глубокой. После долгой разлуки между ними не осталось ничего общего. Вернуть прежнюю беззаботную, чистую дружбу было невозможно.

Всё изменилось. Когда-то они с Цзян Ли терпеть друг друга не могли, но уехали учиться за рубеж вместе, сблизились, а теперь и вовсе собирались пожениться.

А сам Цзян Тинчжоу давно выпал из этой жизни.

Всё, чего он теперь хотел, — это просто плыть по течению, беречь здоровье и жить тихой обывательской жизнью. Ли Шуянь суждено оставаться беззаботной и богатой наследницей семьи Ли. Они принадлежали к совершенно разным мирам. У неё появится множество новых, подходящих её кругу друзей, так зачем ей тратить время на сломленного, преследуемого неудачами человека вроде него?

Цзян Тинчжоу буркнул первое, что пришло в голову:

— Да так... хотел прогуляться до сахарного завода.

— Вот и отлично, мне тоже туда! Какое совпадение, — обрадовалась Ли Шуянь. — Пойдём вместе.

Цзян Тинчжоу промолчал.

Дорога была общей, и прогнать её он не мог. Какое-то время они шли бок о бок в неловком молчании.

Наконец Ли Шуянь не выдержала тишины:

— Надо же, столько лет прошло, а вкус у лепёшек точно такой же, как в детстве, — вздохнула она, расправившись со второй штукой. — Ань Сяопин вечно твердил, что их нужно есть прямо с пылу с жару. Мне тогда всё некогда было, а вот сейчас наконец-то попробовала. Правда, этот имбирный чай с финиками так себе. С твоим не сравнится.

В школьные годы Цзян Тинчжоу виртуозно варил бульоны и целебные отвары, принося их с собой в класс. Ли Шуянь тогда страдала от сильнейшей тревожности, столовая еда в неё не лезла — от любого твёрдого куска начинало тошнить, и она таяла на глазах. Тинчжоу, видя это, изощрялся как мог: зимой заваривал наваристый суп из голубя, летом делал прохладный настой из груши с леденцовым сахаром. Приносил всё это в большом термосе и делил поровну между ней и Ань Сяопином.

Сяопин в долгу не оставался и таскал ей то, что сам считал верхом кулинарного искусства, — например, эти самые слоёные лепёшки, визитную карточку Юнцина со старого рынка.

На Улице Утреннего рынка субины пекли лучше всего — заведением заправлял сосед Ань Сяопина. Мальчишка покупал их горячими, бережно закручивал в несколько слоёв бумаги и больше часа крутил педали, чтобы довезти их до школы ещё тёплыми. Они передавали сверток через щель в школьных воротах и, крадучись, точно воришки, уплетали угощение в самом глухом углу двора.

Тогда, запивая ароматным домашним бульоном, они за милую душу могли умять целую коробку этих лепёшек размером с ладонь. Но сегодня Цзян Тинчжоу осилил лишь половину и отложил остаток — кусок не лез в горло.

— Дядя рассказал мне, что ты уволился из ресторана и съехал с прежней квартиры, — негромко произнесла Ли Шуянь. — Тинчжоу... честно говоря, я до последнего не верила, что ты всерьёз решил стать поваром.

Она прошла ещё несколько шагов и, спохватившись, поспешно добавила:

— Нет-нет, не подумай, я вовсе не презираю эту профессию. Просто это адски тяжёлый, неблагодарный труд. Ты с таким трудом вернулся в родную семью... Ты не должен был так

жить.

В глазах общества поварское дело оставалось уделом бедных: тяжёлая, грязная работа у раскалённых плит. Семьи, у которых водились хоть какие-то сбережения, никогда не отдавали детей в кулинарные училища. Даже великие мастера вроде Мастера Вана всеми силами оберегали своих наследников от этой участи, стараясь пристроить их на какую-нибудь чистую, престижную службу.

— На самом деле я долгое время просто боялась встретиться с тобой лицом к лицу, — продолжала она. — Всё думала: вдруг то, что случилось в школе, сломало тебе жизнь? Мне... безумно стыдно перед тобой.

Цзян Тинчжоу слушал молча, но на её последние слова отозвался мгновенно:

— Это тут ни при чём.

Выбор профессии был его собственным, осознанным решением, и винить в этом других он не собирался.

— И моя семья тогда поступила с тобой несправедливо. И тоже из-за меня, — с горечью добавила Ли Шуянь.

Когда Лу Байюй вернулся из-за границы и начал копать, ему удалось лишь доказать, что скандальная аудиозапись была фальшивкой, смонтированной на компьютере. Больше никаких зацепок найти не удалось. Камеры наблюдения в актовом зале загадочным образом сломались как раз перед началом презентации, так что поймать за руку того, кто подменил слайды, не вышло. Персонал дружно ушёл в отказ. Кого-то уволили, кого-то перевели, но виновник так и остался в тени.

Цзян Тинчжоу подозревал Цзян Ю, но доказать его причастность было невозможно. С тем же успехом это могли устроить девицы из свиты Цзян Ли, любившие травить Ли Шуянь, или просто кто-то, кто завидовал чужому успеху. Концы ушли в воду.

После возвращения Лу Байюя семья Ли поостереглась открыто вредить Цзян Тинчжоу. Однако время шло, и Лу Байюй не мог вечно опекать его.

Когда дядя Ли Шуянь, Ли Суй, вернулся в Юнцин, старая обида всё ещё не давала ему покоя. Узнав, что Цзян Тинчжоу устроился в ресторан «Императорский пир», он тут же заявился туда и заказал банкет. Ли Суй шёл целенаправленно за местью — хотел прилюдно унижить парня.

Стоило Цзян Тинчжоу войти в банкетный зал, как Ли Суй плеснул ему алкоголем прямо в лицо. Крепкое спиртное обожгло глаза, веки потом долго зудели и оставались воспалённо-красными.

К тому моменту Цзян Тинчжоу уже научился терпению. Жизнь заставила его сгладить острые углы характера и освоить хитрую науку компромиссов. Он сдержал порыв ответить ударом на удар, не проронил ни одного резкого слова и сохранил ледяное спокойствие. Что бы ни выговаривал ему взбешённый Ли Сюй, Цзян Тинчжоу отвечал вежливо, с достоинством, но твёрдо стоял на своём: вины за собой не признавал. Это невозмутимое хладнокровие заставило Ли Сюя взглянуть на него другими глазами.

Присмотревшись к юноше поближе, он понял, что слухи о скверном характере «малолетнего хулигана» сильно преувеличены, а история с его племянницей слишком тёмная и запутанная. Постепенно неприязнь сошла на нет, и со временем Ли Сюй превратился в одного из самых преданных постоянных гостей шефа Цзяна.

В начале года, когда поползли слухи об открытом противостоянии между Цзян Тинчжоу и новоиспечённым заместителем директора Цзян Ю, Ли Сюй лично пришёл поддержать шефа. Он без тени сомнения заказывал коллекционные вина с заоблачными ценниками, а совсем недавно без лишних вопросов переплатил приличную сумму за старинную утварь.

— Я получил вполне достойную компенсацию, — спокойно заметил Цзян Тинчжоу. — Директор Ли всегда относился ко мне с большим уважением и очень выручал как гость.

В конце концов, львиная доля его нынешних сбережений на безбедную старость поступила именно от сделок с Ли Сюем. Да и тогда, во время кулинарной битвы за кресло управляющего, победные тысячи в дневной выручке появились во многом благодаря его щедрости. Прошрое осталось в прошлом, зла он не держал.

— Ты заслужил это своим трудом, — качнула головой Ли Шуянь. — Но это нельзя назвать настоящим искуплением. Я действительно хотела бы...

— Достаточно, — мягко, но решительно прервал её Цзян Тинчжоу. — Послушай, тебе незачем меня жалеть или корить себя. У меня всё хорошо. Правда.

— Но я хочу помочь тебе! Неужели я не могу сделать это просто как старый друг?

— Мне не нужна помощь.

Видя, что разговор заходит в тупик, Цзян Тинчжоу поспешил сменить тему:

— А сама-то ты как здесь оказалась?

Едва ли наследница корпорации приехала на окраину города исключительно ради встречи с ним.

— Приехала осмотреть сахарный завод, — призналась она. — В прошлый раз, собственно, тоже.

Я планирую подать заявку на участие в проекте его реконструкции.

Цзян Тинчжоу невольно поднял глаза и посмотрел в глубь территории.

Выцветшая вывеска над массивными воротами гласила: «Государственный сахарный завод Юнцина». Когда-то это промышленное предприятие занимало огромную площадь — больше десятка тысяч квадратных метров.

У этого места была богатая история.

Когда-то местное производство снабжало сахаром полстраны — именно с него началось промышленное становление Юнцина. Построенный ещё в семидесятых годах прошлого века, завод представлял собой настоящий автономный город в миниатюре: помимо цехов здесь раскинулись тенистые скверы, выросли жилые корпуса для рабочих, открылись собственные школы, магазины и даже поликлиника.

Вся Улица Утреннего рынка изначально застраивалась ведомственным жильём для семей заводчан, да и у подножия горы Гуаньинь, где теперь уютился Ань Сяопин, до сих пор жили в основном бывшие ветераны производства.

Полвека назад эшелоны с сахарным тростником шли сюда нескончаемым потоком. Из него делали чистейший рафинад, конфеты и хрустящее печенье, разнося сладкий вкус Юнцина далеко за пределы провинции Дунцзян — по всем уголкам огромного Китая.

С приходом рыночных реформ дела у государственного гиганта пошли на спад. После череды реструктуризаций и приватизаций от былой мощи осталась лишь пара работающих цехов. Опустевшие, заросшие бурьяном территории городские власти решили включить в масштабный план регенерации Старого района и выставили на открытые торги.

Архитектура завода ломала привычные представления о серой промышленной эстетике. Все корпуса проектировались ведущими инженерами в едином, величественном стиле сталинского ампира.

Облупившаяся красная кирпичная кладка и раскидистые кроны огненных деревьев-фениксов до сих пор хранили память о золотом веке предприятия. Время безжалостно состарило эти стены, вернуть им первозданный вид было уже невозможно, но для жителей Юнцина они оставались символом ушедшей эпохи. Весь этот некогда процветающий пищевой кластер Старого района дышал и развивался лишь благодаря колоссу сахарного завода. Теперь же от былого величия остался лишь призрак былого благополучия.

— Муниципальный план предусматривает создание здесь крупного ландшафтного парка или музейного комплекса с выделением нескольких коммерческих зон. Но Цзян Ли после осмотра остался недоволен, — поделилась Ли Шуянь. — Сюда приезжало много оценщиков от застройщиков. Главная загвоздка в том, что большинство построек признаны историческим

наследием, сносить их нельзя. Историческая реставрация обойдётся в целое состояние, а покупательская способность в этом районе крайне низкая. Инвестиции просто не отобьются.

Крупные игроки рынка прекрасно понимали риски. Проект носил скорее социальный характер, нежели коммерческий. В плане реконструкции Старого района хватало куда более прибыльных лотов, и этот завод плёлся в самом конце списка приоритетов.

Семья Ли обратила внимание на этот участок лишь из-за его символизма: старый сахарный завод ассоциировался со сладкой, счастливой совместной жизнью. Старшее поколение хотело доверить этот проект Цзян Ли для пробы сил, превратив его в совместный свадебный подарок от двух семей.

Однако Цзян Ли прагматично плевать хотел на романтику. Как бизнесмен, он положил глаз на совершенно другой объект — пустырь неподалеку от Второй средней школы Юнцина. Возведение там элитного жилого комплекса в престижном школьном округе гарантировало быструю и сверхвысокую прибыль. Любой финансист скажет, что эта земля в разы ценнее заброшенной промзоны.

Именно поэтому в тот день они приехали оценить обстановку лично — и нос к носу столкнулись с хмурым Лу Цзяхэ и изнывающим от безделья Сюй Фэном.

— Мы с Сюй Фэном не дружим, — поспешно уточнила Ли Шуянь, словно оправдываясь. — Он сам увязался за нами хвостом.

— Но у вас с Цзян Ли взгляды на этот проект расходятся, верно? — спросил Цзян Тинчжоу.

— Да, — кивнула она. — Поначалу я тоже склонялась к тому, чтобы бросить эту затею. Но за последние пару дней Сад сахарного завода вдруг стал безумно популярен в соцсетях.

Ещё во время первого визита Ли Шуянь заворожила здешняя увядающая красота. Для неё, коренной жительницы Юнцина, завод тоже был частью детства. Видеть, как разрушается и уходит в небытие этот памятник эпохи, было больно.

Теперь, когда в её руках сосредоточились колоссальные ресурсы и она могла в одиночку курировать проекты с бюджетами в сотни миллионов, её не покидали мысли о старом друге. Если бы у Цзян Тинчжоу всё складывалось гладко, она бы не стала лезть в его жизнь. Но он перебрался в такую глушь! К тому же дядя упомянул, будто Тинчжоу собирается безбедно существовать до старости на жалкие несколько миллионов юаней.

Разве это деньги для нормальной жизни? Как Цзян Тинчжоу мог добровольно обречь себя на прозябание в этих трущобах?

Преисполненная решимости, она упрямо шагала за ним до самого дома. По пути ей попадались

лишь покосившиеся, приземистые хибары. Сердце Ли Шуянь сжималось от жалости при виде этих унылых декораций бедности.

Ли Шуянь твёрдо решила: теперь, когда она крепко стоит на ногах, пришёл её черёд протянуть руку помощи — точно так же, как Тинчжоу когда-то спасал её в школе. Никакие отговорки и протесты сейчас не могли заставить её отступить.

— Да в порядке я, действительно в полном порядке, почему ты мне не веришь? — сокрушался Цзян Тинчжоу, сворачивая в очередной проулок. — Здесь тихо, спокойно. После падения семейства Сюй на улицах установили кучу камер наблюдения, у меня на доме тоже висит одна. Больше никто не посмеет вставлять мне палки в колёса. Мне правда тут нравится...

Он как раз подходил к своим воротам, когда из глубины двора донеслись тихие, прерывистые звуки — кто-то явно плакал навзрыд.

Ли Шуянь насторожилась:

— Слышишь? Кто это там плачет?

Всхлипывания были женскими, и этот голос точно не принадлежал никому из семьи Цзян.

Сделав ещё несколько шагов, Цзян Тинчжоу увидел скорчившуюся у порога немолодую женщину в заношенной серой куртке. Рядом на земле стояла потёртая дорожная сумка. Растрёпанные волосы торчали во все стороны, а на бледном лице застыла глубокая тоска. Судя по всему, она просидела здесь под дверью не один час.

Цзян Тинчжоу замер от изумления:

— Старшая сестра Чжоу? Как вы здесь оказались?

Услышав его голос, Чжоу Лифэн вскинула голову. При виде хозяина слёзы хлынули из её глаз с новой силой.

— Шеф-повар Цзян! Господи, наконец-то я вас нашла... Пожалуйста, умоляю, помогите мне! — Она попыталась подняться на ноги, но колени подогнулись от слабости, и она бессильно опустилась на землю прямо в пыль. — Почему вы так внезапно ушли? Я, как обычно, привезла продукты к чёрному входу ресторана, а там заявили, что больше не примут у меня ни одной поставки! А мне ведь кровь из носу нужны деньги, у меня дома беда... Объясните, ради всего святого, что происходит?!

Цзян Тинчжоу лишился дара речи.

Он растерянно перевёл взгляд с рыдающей женщины на притихшую Ли Шуянь.

Та победно скрестила руки на груди:

— Ну и как это понимать? И ты ещё уверял меня, что у тебя всё отлично?

Она так и знала.

<http://bllate.org/book/19956/1995116>